

Александръ Ярославичъ Невскій.

р. 1220 † 1263.

Въ лѣтописяхъ Александръ Ярославичъ начинаетъ упоминаться съ 1228 г. Въ этомъ году отецъ его, Ярославъ Всеволодовичъ, послѣ похода на Емь, отправился съ женой своей въ Переяславль Залѣсскій, оставивъ въ Новгородѣ сыновей своихъ, Оедора и Александра. Ярославъ оставилъ при нихъ, — конечно, потому, что княжичи были еще очень молоды, — Оедора Даниловича и тѣна Якима⁷⁶). Въ томъ же году въ Новгородѣ, по случаю долго стоявшей дурной погоды, цѣны на предметы потребленія сильно повысились, такъ какъ ожидали неурожая и голода. Народъ волновался: искали виновника несчастія и нашли его въ неповинномъ ни въ чемъ владыкѣ Арсеніи, который будто бы коварно заключилъ своего предшественника Антонія (надобно замѣтить — совершенно дряхлаго и не владѣвшаго уже языкомъ) въ Хутынскомъ монастырѣ и самъ сдѣлался владыкой, подкупивъ князя; Арсеній едва избѣгъ насильственной смерти. Антоній опять занялъ святительскій столъ; но народъ не успокоился; начались грабежи. При такомъ положеніи дѣла дѣти Ярослава не могли считать себя безопасными, почему помянутые Оедоръ Даниловичъ и тѣнъ Якимъ бѣжали съ юными княжичами къ отцу ихъ⁷⁷), а новгородцы, пославшіе передъ тѣмъ пословъ къ Ярославу — звать его въ Новгородъ на всей волѣ новгородской, не дождавшись возвращенія этихъ пословъ, послали другихъ звать къ себѣ Михаила черниговскаго. Послы эти, впрочемъ, задержаны были союзникомъ Ярослава, княземъ смоленскимъ. Но у Михаила пока связаны были руки борьбой съ Даниломъ галицкимъ; а какъ только между южными князьями состоялся миръ, онъ поспѣшилъ въ Новгородъ, гдѣ принять былъ съ восторгомъ. Уладивши дѣла новгородскія, Михаилъ поспѣшилъ (1229 г.) въ Черниговъ, оставивъ въ Новгородѣ юнаго сына своего, Ростислава. Ярославъ не упустилъ случая къ притѣсненію Новгорода. Въ самомъ Новгородѣ происходили волненія и беспорядки вслѣдствіе вражды посадника

76) П. С. Р. Л. I, 219; III, 43; IV, 29; V, 173; VII, 134; XV, 350 (подъ 1229 г.). По лѣтописямъ не видно, когда Александръ родился; основаніемъ опредѣленія года рожденія для насъ послужили: «Житія святыхъ»... Мѣсяцъ ноябрь. Спб. 1856. (А. Н. Муравьева). Житіе это извлечено изъ двухъ рукописныхъ житій, хранящихся въ Невской Лаврѣ и духовной академіи и житія св. князя, составленнаго архимандритомъ Кирилломъ. — Ярославъ удался изъ Новгорода вслѣдствіе того, что новгородцы держали сторону оскорбившихъ его псковичей.

77) Ibid. III, 44.

Водовика съ сыномъ извѣстнаго посадника же Твердислава; къ тому же цѣны на хлѣбъ еще болѣе поднялись вслѣдствіе бывшихъ въ сентябрѣ **1230 г.** морозовъ, побившихъ озими. Михаилъ, во второй разъ бывшій передъ тѣмъ въ Новгородѣ и обѣщавшійся опять пріѣхать въ сентябрѣ, не являлся: Ярославъ, злобившійся на него изъ-за Новгорода, сдерживалъ его; къ тому же Водовикъ, поднявшій сильную междоусобную бурю въ Новгородѣ, ушелъ съ юнымъ Ростиславомъ въ Торжокъ. Новгородцы послали объявить Михаилу сыну, что отецъ его измѣнилъ, что они найдутъ себѣ другаго князя; выбрали новаго посадника и тысяцкаго, разграбили дома прежнихъ сановниковъ и звали къ себѣ Ярослава. 30 декабря 1230 г. Ярославъ цѣловалъ къ новгородцамъ крестъ «на всѣхъ грамотахъ Ярослава» (Владиміровича). Пробывши здѣсь двѣ недѣли, онъ уѣхалъ въ Переяславль, а въ Новгородѣ опять оставилъ дѣтей своихъ, Оедора и Александра⁷⁸⁾. Въ **1236 г.** Ярославъ уѣхалъ княжить въ Кіевъ; сынъ его Оедоръ умеръ въ 1233 г., такъ что теперь Александръ оставался въ Новгородѣ болѣе или менѣе самостоятельнымъ княземъ⁷⁹⁾. Татарское нашествіе **1238 г.**, какъ извѣстно, не коснулось Новгорода, и юнаго князя новгородскаго, по выраженію лѣтописи, Богъ соблюлъ отъ татарскаго меча.

Между тѣмъ какъ восточная Русь все вниманіе должна была обратить на пришельцевъ-завоевателей, Новгородская область имѣла подъ бокомъ своихъ враговъ въ лицѣ шведовъ, многихъ финскихъ племенъ и ливонскихъ рыцарей. Несомнѣнно, въ виду частыхъ вторженій этихъ враговъ въ Новгородскую землю, Александръ, сыгравши въ **1239 г.** свадьбу свою въ Торжкѣ (онъ женился на дочери Брячислава полоцкаго), началъ укрѣплять берега Шелони⁸⁰⁾, а года черезъ два непріятель дѣйствительно появился, хотя и съ другой стороны: въ **1240 г.** шведскій король, вѣроятно, въ наказаніе за набѣги новгородцевъ на Финляндію, послалъ на Новгородскую землю зятя своего Биргера со множествомъ шведовъ, норвежцевъ и финновъ (съ нимъ были, по лѣтописямъ: «свеи и мурмане, Сумъ и Ямь»), которые чрезъ Ладожское озеро и р. Волховъ должны были доплыть до самаго Новгорода. Но Александръ съ немногочисленною новгородскою ратью встрѣтилъ ихъ на берегу Невы, гдѣ и произошла битва, украшенная поэтическими сказаніями (явленіе Бориса и Глѣба) и давшая Александру прозваніе *Невскаго*. Послѣдній лично участвовалъ въ битвѣ со шведами и, по словамъ лѣтописи, «невѣрному кралоу ихъ (Биргеру) возложилъ

78) Ibid. III, 47; IV, 29.

79) Ibid. I, 220—221; 225; III, 50; IV, 30; V, 173; VII, 138, 143; XV, 373; Ник. III, 3.

80) Ibid. Однѣ изъ лѣтописей относятъ женитьбу Александра и укрѣпленіе береговъ Шелони къ 1238 году, какъ IV, 34 и Ник. III, 3; другія — къ 1239: III, 52; V, 174; VII, 144.

остріемъ меча печать на челѣ»⁸¹⁾. Въ томъ же году, вслѣдствіе ссоры съ новгородцами, о причинахъ которой лѣтописи умалчиваютъ, Александръ съ матерью, женой и вообще со всѣмъ дворомъ своимъ уѣхалъ изъ Новгорода въ Переяславль-Залѣсскій⁸²⁾. Но не прошло и года по отъѣздѣ его, какъ на новгородскія земли напали ливонскіе нѣмцы, Чудь и Литва; нѣмцы повоевали Водь и наложили на нее дань; въ погостѣ Копорьи сдѣлали острогъ (городъ), взяли г. Тесовъ и, вообще, не доходили до Новгорода только на 30 верстѣ. Въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ новгородцы обращаются къ вел. кн. Ярославу Всеволодовичу и просятъ себѣ князя; Ярославъ отпустилъ къ нимъ сына своего Андрея, но онъ, какъ видно, не оправдалъ надеждъ и желаній новгородцевъ: второе новгородское посольство, во главѣ котораго былъ владыка Спиридонъ, просило отпустить Александра. Ярославъ, по нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, едва согласился отпустить его. Между тѣмъ нѣмцы опять напали на Новгородскую землю: на этотъ разъ они забрали скотъ по р. Лугѣ, такъ что сельскимъ жителямъ нечѣмъ было обрабатывать землю⁸³⁾. Въ 1241 г. Александръ пріѣхалъ въ Новгородъ, къ общей радости гражданъ, и въ томъ же году съ новгородцами, ладожанами, корелами и ижорянами выступилъ въ походъ на нѣмцевъ: онъ взялъ Копорье; взятыхъ въ плѣнъ нѣмцевъ частію отпустилъ, а частію отвелъ въ Новгородъ; вожанъ же и Чудь, «перевѣтниковъ», перевѣшалъ и вскорѣ возвратился въ Переяславль. Въ томъ же году нѣмцы напали на Псковъ, побили псковичей и въ городѣ посадили своихъ намѣстниковъ. Заслышавъ объ этомъ, Александръ съ братомъ своимъ Андреемъ прибылъ въ Новгородъ въ томъ же 1241 г. Братья-Ярославичи съ новгородцами и низовцами изгономъ (быстро и неожиданно) устремились къ Пскову, перехватили тамъ нѣмцевъ и Чудь, а нѣмецкихъ намѣстниковъ изъ Пскова отправили въ Новгородъ. Такимъ образомъ Псковъ былъ освобожденъ. Но рыцари не думали уступать Невскому герою: они выступили противъ него и въ началѣ имѣли успѣхъ, — ими разбитъ былъ передовой отрядъ русскихъ, вступившихъ въ Ливонію. Александръ долженъ былъ податься назадъ и искать удобной позиціи: онъ остановился «на Чудскомъ озерѣ, на Узмени у Воронѣя камени». Нѣмцы устремились на русскихъ, и произошло извѣстное Ледовое побоище. Это было 5 апрѣля 1242 г. Русскіе взяли верхъ и семь верстѣ гнали нѣмцевъ по льду; 500 рыцарей (по дру-

81) Ibid. IV, 35—36, 179; въ житіи его: I, 204—206; V, 2—6, 176—179; VII, 146—149; XV, 376 и сл.; Ник. III, 9—13 подъ 1241 годомъ. По III битва была іюля 15. См. также V, 227; VII, 216.

82) Ibid. III, 53; IV, 37; V, 179; VII, 149; XV, 376—380; Ник. III, 13.

83) Ibid. III, 53; IV, 37; V, 179; VII, 149; Ник. III, 13—14.

гнѣмъ—400) пало въ этой битвѣ и 50 взято въ плѣнъ. Побѣдителя встрѣтили въ Псковѣ съ крестами и хоругвами. Въ то же время литовцы начинаютъ дѣлать, по выраженію лѣтописи, «пакости» Новгородской землѣ, и Александръ устремляется на нихъ: въ одинъ походъ, если вѣрить лѣтописи, онъ побѣдилъ семь ратей литовскихъ и такой страхъ нагналъ на литовцевъ, что — какъ говоритъ лѣтописецъ — они послѣ того начали «блжостися имени его»⁸⁴). Послѣ этой побѣды Александръ отправился въ Низовскую землю⁸⁵).

84) Ibid. I, 201, 225; III, 53—54; IV, 37, 179—180; V, 10, 180—181; VII, 149—151; XV, 385; Ник. III, 14—17 (Ледовое побоище подъ 1243 годомъ). — О поѣздкѣ Александра въ орду см. въ слѣдующемъ примѣч. — По Ник. и Соф. 1-й (т. V) Александръ, узнавъ о несчастіи Пскова, отправляется въ Новгородъ съ братомъ Андреемъ въ 1241 году; по другимъ же лѣтописямъ, напр. VII, 150, Ярославъ послалъ Андрея въ помощь Александру, когда послѣдній освободилъ уже Псковъ, слѣдов. предъ Ледовымъ побоищемъ. — Интересно обозначеніе лѣтописцемъ (VII, 150) строя рыцарскихъ полковъ, въ какомъ они выступили противъ русскихъ: «нѣмцы же и чюдъ пробишася *свицею* сквозъ плѣки», т. е. острымъ клиномъ или треугольникомъ, вершина котораго обращена была къ русскимъ. — О походѣ Александра на литовцевъ говоритъ одна Воскр. лѣт. (VII). — Въ 1242 г. Литва также набѣгала на Новгород. землю и была побита Александромъ. Не смѣшала ли Воскр. лѣт. походъ 1245 года? Но подъ послѣднимъ годомъ она отмѣчаетъ нападеніе Литвы на Торжокъ и Бѣжецкъ. Историки наши о первомъ нападеніи (о «пакостяхъ») Литвы не говорятъ; Карамзинъ (IV, прим. 35) изъ обонхъ набѣговъ Литвы какъ будто дѣлаетъ одинъ—1245 г.—Хронологію событій 1239—1242 годовъ см. у Энгельмана: «Хронолог. изслѣд. въ области русск. и лив. исторіи», Спб. 1858.

85) Ibid. IV, 37; VII, 152. Новгород. 4-я подъ 1242 годомъ, въ самомъ началѣ, говоритъ, и только она одна, о поѣздкѣ Александра въ орду. Порядокъ событій 1241—42 гг. по этой лѣтописи таковъ: 1241 г. Александръ пріѣхалъ въ Новгородъ, взялъ Копорье и побилъ нѣмцевъ; 1242—пошелъ къ Батыю; воротившись отъ Батыя, пошелъ съ братомъ Андреемъ, низовцами и новгородцами изгнать къ Пскову, который и освободилъ отъ нѣмцевъ; Ледовое побоище. Странно, что другія лѣтописи умалчиваютъ объ этой поѣздкѣ. Энгельманъ, въ выше цит. его сочиненіи, стр. 126 и слѣд., разбирая рассказъ Бѣляева о событіяхъ этого года («Великій князь Александръ Невскій» во «Временн. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. кн. IV, 11—13) сомнѣвается въ справедливости этого извѣстія на томъ основаніи, что въ началѣ 6750 мартовскаго, простиравшагося отъ 1 марта 1242 до 28 февр. 1243 года, Александръ не могъ ѣхать въ орду, потому что въ мартѣ 1242 года (а Новгород. 4-я принимаетъ мартовское счисленіе) онъ уже воевалъ съ Ливонцами. Энгельманъ допускаетъ предположеніе, что это событіе можно отнести къ концу предъидущаго, т. е. 1241 года и что оно по ошибкѣ попало въ начало 1242 года. Но и это предположеніе требуетъ, говорить онъ, подкрѣпленія доводами, по которымъ было бы вѣроятно, что Александръ тогда находился въ ордѣ. Между тѣмъ, другіе источники не представляютъ для этого никакой точки опоры; а Новгородская 4-я, передающая этотъ фактъ, сама въ себѣ не заключаетъ достаточнаго ручательства въ достовѣрности сообщаемыхъ ею данныхъ (стр. 128—129). Трудно не согласиться съ этими доводами и предположеніями, — но въ то же время нужно имѣть въ виду и то, что Новгород. 4-я, въ извѣстіяхъ о поѣздкахъ Александра въ орду, является послѣдовательною. Такъ, подъ 1246 годомъ она говоритъ: «Ѣзди Александръ *другое* къ Батыю»..., между тѣмъ какъ подъ 1242 годомъ просто говоритъ: «Иде Александръ къ Батыю царю», не говоря *первое*, ибо напередъ лѣтописецъ не могъ знать, пойдетъ ли *второе* (во второй разъ) Александръ въ орду. См. прим. 50.

Между тѣмъ, въ томъ же году нѣмцы прислали пословъ въ Новгородъ, когда уже Александра тамъ не было («безъ князя»); они отказывались отъ недавнихъ своихъ завоеваній и просили о размѣнѣ плѣнныхъ: «что есмь зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лотыгоду мечемъ, говорили они, то ся всего отступаемъ». Такимъ образомъ, со стороны ливонскихъ рыцарей новгородскія и псковскія волости пока были обезпечены въ отношеніи безопасности. Но южныя границы не безопасны были отъ набѣговъ Литвы. Въ 1245 г. литовцы опустошали окрестности Торжка и Бѣжецка, гдѣ теперь княжилъ, съ соизволенія Александра Невскаго, Ярославъ, сынъ Владиміра псковскаго, жившій до того у ливонцевъ и недавно воевавшій съ послѣдними Псковскую землю. Этотъ Ярославъ съ новоторжцами погнался за литовцами, но былъ побитъ ими; потомъ, совмѣстно съ тверскими воеводами, Яведомъ и Кербетомъ, которые вышли съ тверичами и дмитровцами, онъ опять погнался за литовцами; у Торопца произошелъ бой, клонившійся не въ пользу русскихъ. На слѣдующій день явился Александръ съ новгородцами: онъ отнялъ у литовцевъ весь полонъ и побилъ 8 князьковъ литовскихъ. Новгородцы пошли отсюда во-свояси, а Александръ «съ своимъ дворомъ» продолжалъ преслѣдовать непріятеля и окончательно добилъ его у г. Жижицы у Усвята. Захвативъ съ собою изъ Витебска сына, онъ пошелъ къ Новгороду, но на пути встрѣтилъ другую литовскую рать, которую также побилъ⁸⁶⁾. Защищая сѣверо-западную Русь отъ сосѣдей, нѣмцевъ и финновъ, Александръ обращалъ свои взоры и въ противоположную сторону, гдѣ требовались уже не мечъ и крѣпкая рука, а серебро и золото: лѣтописи, между прочимъ, ставятъ ему въ похвалу, что онъ «не остави пути отца своего», посылалъ въ орду выкупать плѣнниковъ «и много злата и сребра издава на плѣнникѣхъ». Вообще, слава о немъ, а особенно о его богатырскихъ подвигахъ распространилась повсюду, такъ что — по словамъ лѣтописца — даже моавитскія жены (монгольскія) именемъ его страшали дѣтей⁸⁷⁾.

30 сентября 1246 г. скончался Ярославъ Всеволодовичъ; Александръ, вмѣстѣ съ дядею Святославомъ и братьями, оплакалъ кончину отца и въ томъ же году, по требованію Батыя, отправился въ орду. Восточный деспотъ, по словамъ лѣтописи, не мало подивившись красотѣ и величественной наружности Александра, послалъ его и брата его Андрея, ранѣ Нев-

86) Ibid. III, 54; IV, 37—38 (подъ 1246 г.); V, 182; VII, 152; XV, 386; Ник. III, 18—19. — Жижицы или Жижчъ находился близъ западнаго берега оз. Жесца, гдѣ теперь сел. Жеспо — Живецъ. См. Н. П. Барсова: «Очерки русск. истор. географіи», изд. 2. (Варшава 1835), стр. 26.

87) Ibid. V, 186.

скаго прибывшаго въ орду, къ великому хану въ Монголію⁸⁸), откуда они возвращаются въ 1249 г., пожалованные⁸⁹): Александръ — Кіевомъ и всей Русской землей, а Андрей—Владиміромъ⁹⁰). По прибытіи во Владиміръ Александру пришлось оплакивать здѣсь смерть родственниковъ своихъ, князей: Владиміра Константиновича углицкаго и Василя Всеволодовича Ярославскаго⁹¹). Вскорѣ послѣ этого онъ отправился въ Новгородъ, гдѣ, въ 1251 г., торжественно встрѣчалъ прибывшаго изъ Владиміра митрополита Кирилла вмѣстѣ съ епископомъ ростовскимъ, также Кирилломъ. Новгородцы умолили митрополита поставить имъ во епископы Далмата, и митрополитъ удовлетворилъ ихъ желаніе⁹²), къ ихъ общей радости, хотя эта радость должна была нѣсколько омрачиться, такъ какъ князь ихъ сильно заболѣлъ. Оправившись отъ болѣзни, Александръ отправилъ къ норвежскому королю Гакону посольство съ предложеніемъ, чтобъ онъ воспретилъ своимъ финмаркскимъ подданнымъ грабить Лопъ и Корелію, причемъ посламу поручено было лично узнать дочь Гакона, Христину, на которой Александръ думалъ женить сына своего, Василя. Предложеніе о финмаркскихъ подданныхъ было удовлетворено, но сватовство не состоялось⁹³).

Въ своемъ мѣстѣ⁹⁴) мы уже высказали предположеніе, что родственныи союзъ Андрея съ однимъ изъ южно-русскихъ князей могъ заставить Александра дѣйствовать рѣшительнѣе въ отношеніяхъ его къ младшему брату. Въ 1252 г. Невскій отправился въ орду къ Сартаку, сыну Батые, который, по старости, уже мало занимался дѣлами по управленію улусами.

88) Ibid. I, 201; III, 54; IV, 37; V, 186; VII, 157; XV, 393—394; Ник. III, 26. Изъ нихъ III, IV, V и XV относятся поѣздки въ орду къ 1246 году, остальные — къ слѣдующему.

89) Ср. съ соотвѣтственнымъ мѣстомъ въ біографіи Андрея.

90) Ibid. I, 202; II, 341; VII, 159; Ник. III, 31 (всѣ подъ 1249 годомъ); III, 54; IV, 38; V, 186 (подъ 1250 г.); XV, 395—396 (подъ 1240 г.).

91) Ibid. I, 202; XV, 400; Ник. III, 31. С. М. Соловьевъ (III, 191), сказавши, что Святославъ Всеволодовичъ умеръ въ 1252 году, тотъ-часъ продолжаетъ: «Оставался князь, который по старинѣ могъ предъявить права свои на великое княженіе: именно Владиміръ Углицкій, сынъ Константина ростовскаго, старшаго изъ сыновей Всеволода III; но кто могъ думать о правѣ Владиміра въ то время, когда Михаилъ московскій не обращалъ никакого вниманія ни на свое безправіе, ни на право дяди? Ярославичи были сильнѣе углицкаго князя: этого было довольно, чтобъ заставить позабыть о послѣднемъ». Но, какъ мы видимъ, Владиміръ Константиновичъ умеръ еще въ 1249 году, т. е. ранѣе дяди своего Святослава. . . . Ниже самъ же историкъ говоритъ (ib. стр. 207), что Владиміръ ум. въ 1249 г.

92) Ibid. I, 202; XV, 396; Ник. III, 33.

93) Ibid. V, 187. Тутъ же дѣтописецъ, пользуясь случаемъ, говоритъ о когда-то («нѣкогда присла») бывшемъ отъ папы къ Александру посольствѣ съ предложеніемъ — принять католическую вѣру. Посовѣтовавшись съ мудрецами, Александръ, будто бы, кратко изложилъ всю ветхозавѣтную и новозавѣтную исторію и въ заключеніе сказалъ: «си вси свѣѣдаемъ добръ, а отъ васъ ученія не пріимаемъ.»

94) См. соотвѣтственное мѣсто подъ Андреемъ Ярославичемъ.

Принятый съ честію, Александръ повелѣ дѣло такъ, что на Андрея была послана татарская рать подѣ начальствомъ Неврюя, и Андрей бѣжалъ чрезъ Новгородъ, Псковъ и Колывань (Ревель) въ Швецію. Александръ торжественно вѣхалъ во Владиміръ и былъ посаженъ митрополитомъ Кирилломъ на великомъ княженіи⁹⁵).

Въ 1254 г. братъ Александра, Ярославъ тверской, съ своими боярами бѣжалъ въ Ладогу. Хотя лѣтописи и не указываютъ на причину этого бѣгства, но, кажется, ее надобно искать въ правдоподобно предполагаемыхъ отношеніяхъ Ярослава къ Андрею. При нашествіи Неврюя, когда Александра еще не было на Руси, мы видимъ семейство Ярослава и воеводу его Жидислава въ Переяславлѣ. Зачѣмъ, спрашивается, они попали туда? Намъ кажется, что младшіе братья Александра были въ союзѣ; они не могли не знать, зачѣмъ Александръ поѣхалъ къ Сартаку, и, вѣроятно, хотѣли дѣйствовать противъ старшаго брата сообща. Однако Александръ пока оставлялъ Ярослава въ покоѣ. Но въ 1254 г. для Ярослава могло выясниться что-нибудь опасное со стороны Александра, и онъ рѣшился бѣжать и притомъ съ боярами, которые, конечно, были ближайшими совѣтниками своего князя и исполнителями его плановъ, а слѣдовательно должны были, по необходимости, раздѣлять съ княземъ его опасности и невзгоды. Изъ Ладоги новгородцы перевели Ярослава во Псковъ. Въ это время въ Новгородѣ замѣтно уже было недовольство сыномъ Невскаго, Василюмъ, который въ слѣдующемъ 1255 г. и былъ изгнанъ изъ Новгорода, а на мѣсто его взятъ былъ Ярославъ Ярославичъ. Василий бѣжалъ въ Торжекъ. Узнавши объ этомъ, Александръ чрезъ Торжекъ, гдѣ присталъ къ нему и сынъ его Василий, пошелъ къ Новгороду вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Димитріемъ Святославичемъ. Въ самомъ Новгородѣ происходила борьба между двумя партіями, большихъ и меньшихъ, изъ которыхъ первая стояла за сына Невскаго, а вторая — за Ярослава. Тверскій князь, не видя возможности удержаться на новомъ мѣстѣ, неизвѣстно куда скрылся, а

95) Ibid. I, 202, 252; II, 342; V, 187; VII, 160, 236; XV, 396; Ник. III, 33—34. Густынская лѣт. (т. II), называя Александра *Московскимъ* (такъ сказать, переднимъ числомъ), говоритъ, что онъ «упроси себѣ княженіе надъ всею Русскою и Московскою землею и надъ всѣми князи». И. Д. Бѣляевъ («Временн.» IV) видитъ здѣсь интригу Святослава, который въ 1250 г. бѣжалъ въ орду, а С. М. Соловьевъ («Ист. отн. между русск. кн. Рюр. дома», 267 и слѣд.) обвиняетъ Александра. Какъ на доказательства своего мнѣнія, онъ указываетъ а) на слова Андрея (Ник. III, 33): «Господи! что се есть, доколе намъ межъ собою бранитися»... и пр.; б) Александръ былъ въ это время въ ордѣ и взялъ старшинство отъ хана: еслибъ онъ не былъ противъ брата, то почему не умолилъ бы Сартака, какъ умолилъ его (?) послѣ, по случаю возстаній народныхъ? в) бѣгство въ Швецію и радушный приемъ тамъ показываютъ, что шведы видѣли въ Андрѣ врага Александрова. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ («Русская Ист.» I, 288—9) склоняется на сторону послѣдняго.

Невскій, между тѣмъ, подступалъ къ Новгороду. Партія большихъ взяла верхъ, и въ угоду Александру смѣненъ Ананія (посадникъ), сторонникъ меньшихъ, а мѣсто его занялъ сторонникъ большихъ Михалко (Михаилъ Степановичъ), внукъ Твердислава. Умиривши гражданъ, Александръ отправился во Владиміръ, оставивъ на новгородскомъ столѣ опять сына своего Василия. Въ это время въ ордѣ произошло перемѣна: въ 1255 году умеръ Батый, а въ слѣдующемъ **1256**, какъ сообщаютъ нѣкоторые лѣтописи, всѣ суздальскіе князья поѣхали въ орду, естественно, на поклонъ къ новому хану, а преимущественно бывшему тогда въ силѣ ханскому сановнику Улавчію. Александръ самъ не поѣхалъ, а послалъ только дары. Можетъ быть, Александра удержали дѣла новгородскія: въ этомъ году шведы и финны (Свеи, Емь, Сумь) пришли въ новгородскую землю и начали ставить городъ на р. Наровѣ; новгородцы послали «на Низъ» къ великому князю за полками; собирали и свои полки. Услышавъ о приготовленіяхъ новгородцевъ, шведы бѣжали за море. Зимой Александръ пришелъ въ Новгородъ и сталъ собираться въ походъ; но никто не зналъ, куда онъ хочетъ идти, хотя многіе думали, что онъ собирается на Чудь. Не смотря на чрезвычайныя трудности зимняго пути, Александръ съ суздальскими и новгородскими полками проникъ въ Финляндію, повоевавъ все поморье; много непріятелей было побито и много взято въ плѣнъ. Послѣ этого похода Александръ возвратился во Владиміръ, захвативъ съ собою новгородскихъ пословъ, Елевферія и Михаила Пянешинича⁹⁶). Въ слѣдующемъ **1257** году князья: Александръ, Андрей и Борисъ (Васильковичъ ростовскій) пошли въ орду съ поклономъ къ Улавчію и въ томъ же году возвратились; а въ слѣдъ за ними пришли татарскіе численники и изочли земли: Суздальскую, Рязанскую и Муромскую; поставили десятниковъ, сотниковъ, тысящниковъ и темниковъ; не переписывали только черное и бѣлое духовенство и, вообще, тѣхъ, «кто зрѣтъ на святую Богородицю и на владыку»⁹⁷). Въ томъ же году и до Новгорода дошла, по выраженію лѣтописца, злая вѣсть, что татары и съ него хотятъ тамги и десятины. Вслѣдствіе этого тамъ поднялся волненіе, причемъ былъ убитъ и посадникъ Михаилъ (старый, Ананія, незадолго передъ тѣмъ умеръ). Между тѣмъ Александръ съ татарскими численниками пришелъ въ Новгородъ, откуда сынъ его, Василій,

96) Ibid. I, 202—203, 226; III, 55—56; IV, 38; V, 188—189; VII, 160—161; XV, 398, 400; Ник. III, 35—37. Извѣстія о событіяхъ 1255—1258 годовъ чрезвычайно перепутаны. Мы могли бы привести здѣсь синхронологическія выписки этихъ годовъ изъ лѣтописей, но не рѣшаемся на это въ виду того, что такія выписки, кромѣ того, что займутъ много мѣста, не приведутъ къ положительнымъ выводамъ, такъ какъ здѣсь требуется отдѣльное изслѣдованіе, подобное хронологическимъ изслѣдованіямъ Энгельмана.

97) Ibid. I, 203, 226; II, 342 (подъ 1254 годомъ); XV, 401; Ник. III, 37.

раздѣлявшій съ новгородцами негодованіе на татарское число, бѣжалъ въ Псковъ. Татарскіе послы требовали тамги и десятины, но имъ отказали въ этомъ: новгородцы дали имъ только дары для хана и отпустили съ миромъ. Послѣ того Александръ выгналъ сына своего изъ Пскова и отправилъ въ Суздальскую землю, а тѣхъ, «кто Василья на зло повелъ», жестоко наказалъ: «овому носа урѣзаша, а иному очи вынимаша». Впрочемъ эту жестокость лѣтописецъ оправдываетъ: «всякъ бо злыи, говоритъ онъ, злѣ да погыбнеть». Волненія и послѣ того не прекращались въ Новгородѣ: въ ту же зиму новгородцы убили какого-то Мишу, «можетъ быть, того самага, говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ⁹⁸⁾, который такъ славно бился со шведами при Невѣ»; посадничество дано было выведенному изъ Ладоги Михаилу Оedorовичу, а мѣсто тысяцкаго — Жидятѣ Доможирову (по другимъ — Жироху). Въ слѣдующемъ **1258** году Александръ, съ братьями — Андреемъ и Ярославомъ тверскимъ, и Борисъ ростовскій ходили въ орду и читли Улавчія. По отбѣздѣ ихъ изъ орды, во Владимірѣ опять явились, уже въ **1259 г.**, татарскіе численники для исчисленія той же Новгородской земли; Александръ, Андрей и Борисъ ростовскій зимой отправились съ ними въ Новгородъ. Но еще осенью въ Новгородъ пришелъ изъ Суздальской земли Михаилъ Пинежиничъ (взятый Александромъ во Владимірѣ въ 1256 г.), по словамъ лѣтописи, съ ложнымъ посольствомъ и сказалъ новгородцамъ, что если они не дадутъ числа, то полки (татарскіе) въ Низовской землѣ уже готовы противъ нихъ. Новгородцы согласились на число («яшася новгородци по число»). Однако зимой, когда пріѣхали въ Новгородъ татарскіе послы, Беркай и Касачикъ, съ женами своими и многочисленной свитой, въ Новгородѣ поднялся мятежъ; татары требовали отъ Александра стражи для личной безопасности отъ народной ярости, — они говорили: «дайте намъ число, или бѣжимъ проче», что означало, вѣроятно, угрозу. Но чернь волновалась и хотѣла «честно умереть за св. Софію», — между тѣмъ какъ другіе настаивали на исполненіи требованія татарскихъ пословъ. Есть извѣстіе, что татары — можетъ быть, въ надеждѣ на разъединенность новгородцевъ — съ двухъ сторонъ хотѣли ударить на городъ, но — по словамъ лѣтописи — невидимая сила Христова возбранила имъ это. Наконецъ, Александръ, а за нимъ и татары, выѣхали съ Городища. Только теперь бѣльшіе взяли верхъ: новгородцы «яшася по число, творяху бо бояре собѣ легко, а меньшимъ зло». Взявши число, татары удалились во свояси. Александръ, оставивъ на новгородскомъ столѣ другаго сына, Дмитрія, также поѣхалъ во Владимірѣ чрезъ Ростовъ, куда онъ прибылъ

98) С. М. Соловьевъ: «Ист. Р.» III, 195.

въ среду средокрестной недѣли. Здѣсь его чествовали: епископъ Кириллъ, князя Борисъ и Глѣбъ съ матерью ихъ, княгиней Маріей⁹⁹⁾.

Теперь въ Новгородѣ пока все успокоилось. Но года черезъ три, а именно въ 1262 году, произошли возстанія въ другихъ городахъ: выведенные изъ терпѣнія насиліями откупщиковъ татарской дани, бесерменами, жители разныхъ городовъ собирались на вѣча и рѣшали — изгонять отъ себя сыроядцевъ, какъ называли тогда татаръ и бесерменъ. Такъ, произошли возстанія въ городахъ: Владимірѣ, Суздальѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ, Переяславлѣ; въ Ярославлѣ убитъ былъ народомъ Зосима, бывшій прежде христіаниномъ и даже монахомъ, а потомъ, въ угоду одному ханскому баскаку, принявшій магометанство и, какъ это большею частію бываетъ съ ренегатами, ругавшійся надъ прежней вѣрой своей и прежними братьями по ней и даже хуже окаянныхъ, какъ говоритъ лѣтопись, утѣснявшій прежнихъ своихъ согражданъ. Конечно, въ ордѣ не могли равнодушно отнестись къ такому событію, и татарскія полчища уже готовы были нахлынуть на Русь. Александру предстоялъ трудный подвигъ — умилостивить хана, чтобы отвратить бѣду отъ Русской земли. Въ четвертый¹⁰⁰⁾ разъ отправляясь въ орду, Александръ послалъ сына своего Дмитрія съ новгородцами и брата Ярослава тверскаго на г. Юрьевъ (Дерптъ); съ ними пошли еще два князя: зять Александра Константинъ, сынъ Ростислава смоленскаго, и кн. полоцкій Товтивилъ съ полочанами и литовцами¹⁰¹⁾. Этотъ походъ былъ удаченъ: Юрьевъ былъ взятъ, множество гражданъ погибло въ пожарѣ, многіе побиты, а иные взяты были живыми. Слѣдствіемъ этой побѣды былъ выгодный для русскихъ договоръ съ нѣмцами¹⁰²⁾. Между тѣмъ Александръ

99) Ibid. I, 203, 226; III, 56—57; IV, 39; V, 189—190; VII, 162; XV, 401; Ник. III, 38 и слл. Тверская лѣт., говоря о пребываніи Александра въ Ростовѣ, оканчиваетъ извѣстіе объ этомъ такъ, какъ будто бы Кирилъ, кн. Борисъ и Глѣбъ и мать ихъ поѣхали во Владиміръ, — между тѣмъ какъ этого нигде не видно. Здѣсь пропускъ очевиденъ: они чествовали Александра, *который* (а не князя ростовскіе) *послѣ этого чествованія* поѣхалъ во Владиміръ.

100) См. прим. 85. Въ первый разъ Александръ ходилъ по смерти отца, во второй разъ — въ 1252 году, на Донъ, къ Сартаку, когда получилъ великокняжескій столъ и когда ханъ послалъ на Андрея татарскую рать подъ начальствомъ Неврюя; въ третій разъ — въ 1258 году вм. съ братьями, Андреемъ и Ярославомъ, предъ исчисленіемъ Русской земли. Такимъ образомъ поѣздка 1262 года будетъ послѣдней и притомъ четвертой. Но замѣчательно, что Новг. 4-я (т. IV, 39), весьма послѣдовательная въ оцѣнкахъ поѣздокъ Александра въ орду, о послѣдней поѣздкѣ выражается такъ: «Поиде князь Александръ *третье* въ орду.»

101) П. С. Р. Л. I, 204, 226; IV, 39; V, 190; VII, 162—163; XV, 402—403.

102) Ibid. III, 57—58; IV, 39; V, 190—191; VII, 163—164; Ник. III, 40; XV, 403 (послѣднія двѣ помѣщаютъ этотъ эпизодъ подъ 1263 г.). Энгельманъ («Хронол. изслѣд. въ области Русской и Ливонской исторіи въ XIII и XIV ст., стр. 8), вопреки И. И. Срезневскому, основательно доказываетъ, что договоръ относится къ 1262, а не къ 1263 году.

отправился въ орду¹⁰³). Ханъ Берге задержалъ его, такъ что ему пришлось зимовать тамъ¹⁰⁴). Изъ орды Александръ выѣхалъ больной; чрезъ Н.-Новгородъ онъ доѣхалъ до Городца¹⁰⁵) и здѣсь, 14-го ноября 1263 года, постригся, принявъ при этомъ имя Алексія, а ночью того же числа скончался. Тѣло его повезли во Владимірь. Митрополитъ Кириллъ, въ сопровожденіи владимірскихъ гражданъ, встрѣтилъ печальное шествіе за 10 верстъ отъ Владиміра у вратъ Боголюбской обители. 23-го ноября тѣло Александра погребено было въ монастырѣ Рождества Пресв. Богородицы, откуда, въ 1725 году, мощи его перенесены были Петромъ I-мъ въ С.-Петербургскую Александро-Невскую лавру¹⁰⁶).

Александръ Ярославичъ былъ женатъ на Александрѣ, дочери кн. полоцкаго Брячислава, отецъ котораго намъ неизвѣстенъ; о самомъ Брячиславѣ лѣтописи упоминаютъ только по поводу выхода его дочери за Александра, въ 1239 г.¹⁰⁷). Нѣкоторые приписываютъ Невскому вторую жену, Вассу, но — кажется — ошибочно¹⁰⁸). Александръ имѣлъ слѣдующихъ дѣтей: Василя, Димитрія, Андрея, Даніила¹⁰⁹) и дочь Евдо-

103) Соф. 1 (т. V), окончивши описаніе этого похода заключеніемъ, что князя благополучно воротились со множествомъ полона въ свою землю, такъ продолжаетъ свое повѣствованіе: *«Тогда же поиде великий князь Александръ въ орду»*, — такъ что можно предполагать, что Александръ пошелъ въ орду послѣ того, какъ полки воротились изъ-подъ Юрьева. Другія же лѣтописи и походъ подъ Юрьевъ, и поѣздку Александра въ орду — оба факта передаютъ одинъ за другимъ безъ всякой видимой связи.

104) См. цитаты въ прим. 102.

105) Городецъ волжскій — теперь селеніе Нижегородской губ., Балахнинскаго уѣзда.

106) П. С. Р. Л. I, 204, 226; II, 343 (т. е. Густынская лѣт.; она, забѣгая впередъ, говоритъ: «Преставился Александръ Ярославичъ, вел. кн. *московскій* и *киевскій*»); III, 58; IV, 39, 180 (подъ 1264 годомъ); V, 191 (подъ 1262 годомъ); VII, 164, 236. Въ рукописяхъ Карамзина и Оболенскаго, послужившихъ вариантами для Софійской 1-й, ошибочно помѣщается извѣстіе о смерти Александра подъ 1251 годомъ (V, 187 варианты).

107) Ibid. III, 52; V, 174; VII, 144; IV, 34 (т. е. Новг. 4-я подъ 1238 г.); Ник. III, 4.

108) Изъ лѣтописей не видно, чтобы Александръ вступалъ во второй бракъ; изъ раннихъ родословныхъ — то же; позднѣйшія же, какъ, напр., Головина, основывались, кажется, какъ и Карамзинъ (IV, 58 и прим. 110), на написяхъ на гробахъ, находящихся въ Успенскомъ (Княгининномъ) женскомъ монастырѣ во Владимірѣ; одинъ изъ этихъ гробовъ, что на лѣвой сторонѣ — по написи — *благочинныя княгини Вассы, вторыя супруги Александра Невского*. Составитель «Церковно-истор. опис. владим. достопамятн., *Иеромонахъ Иоасафъ*, самъ бывшій нѣкоторое время во Владимірѣ, не только не вѣдаетъ въ подробности при перечнѣ лицъ, погребенныхъ въ помянутомъ монастырѣ, и ничего не говоритъ о современномъ ему положеніи гробницъ, но и самъ ссылается на Карамзина. М. Д. Хмыровъ («Алфавитно-справочн. перечень государей русскихъ», № 12) говоритъ, что «приписываніе Александру второй жены, Вассы, происходитъ отъ буквального пониманія надгробной надписи . . . , которая, по очевидной ошибкѣ каменотѣльца, называетъ Василиссу, вторую жену Александрова сына Андрея, Вассою и второю женою самого Александра». Во всякомъ случаѣ, объ этой Вассѣ или Василисѣ мы ничего не знаемъ.

109) Малъгинъ («Зерцало. . .» 274) считаетъ между сыновьями Невского, — неизвѣстно, на какомъ основаніи, — двухъ Даніиловъ, изъ которыхъ первый умеръ будто бы въ младенствѣ, въ 1258 году.

кію, бывшую въ замужествѣ за Константиномъ Ростиславичемъ, кн. смоленскимъ.

Ярославъ Ярославичъ.

1263 † 1272.

Ярославъ Ярославичъ, великій кн. тверскій, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ брата своего, Александра Невского, и великимъ княземъ владимірскимъ съ 1263 по 1272 г. Біографическія свѣдѣнія о немъ будутъ изложены въ отдѣлѣ о Тверскихъ великихъ князьяхъ.

Василій Ярославичъ.

р. 1241 † 1276.

Лѣтописи, отмѣтивъ подъ 1241 г. рожденіе у в. кн. Ярослава Всеволодовича сына Василія, въ продолженіе потомъ лѣтъ 30 почти ничего не говорятъ о послѣднемъ¹¹⁰⁾, говоримъ—почти, потому что подъ 1246 годомъ онъ упоминается по случаю смерти отца его¹¹¹⁾. Въ томъ же году, какъ извѣстно, братъ Ярослава, Святославъ Всеволодовичъ, занявшій, по старшинству, великокняжескій столъ, «посажа» племянниковъ своихъ «по городомъ, яко же уряди братъ его, в. кн. Ярославъ Всеволодовичъ»¹¹²⁾. Надобно полагать, что въ это же время и Василій получилъ Кострому, которой, за

110) П. С. Р. Л. I, 201, 225; IV, 37; VII, 146; XV, 375 (Василій род. въ 1240 г.); Ник. III, 9; Татищ. IV, 6. — Никон., стр. 3: «Заступи бо его (Ярослава Всеволодовича) Господь Богъ и преч. Богородица отъ татаръ, и съ нимъ осмь сыновъ его: Александра Нѣвского, Андрея суздальскаго, Константина, Авонасія (конечно, Ярослава), Данила, Михаила, Ярослава тверскаго (тотъ же Авонасій), Василія . . . ». Выходитъ какъ будто такъ, что Василій родился даже ранѣе 1238 года, между тѣмъ какъ та же Никон. лѣт. отмѣчаетъ рожденіе его подъ 1241 годомъ!.. Это противорѣчіе объясняется весьма легко: составитель лѣтописи, увлекшись перечнемъ Ярославичей, поставилъ въ послѣднемъ и Василія, такъ сказать, переднимъ числомъ, — точно такъ же, какъ и Ярослава онъ назвалъ *тверскимъ* потому, что онъ былъ таковымъ впоследствии.

111) Никон. III, 27.

112) П. С. Р. Л. I, 201; VII, 158; Ник. III, 27.